

Странник

СБОРНИК

«ПОТЕРЯВ СВОЮ ЖИЗНЬ,
СБЕРЕГЛИ СВОЮ ДУШУ»

МОНАХИНИ
РАССТРЕЛЬНОГО ДВОРА

КЛЮЧ. ГОЛОС
ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ.
НИКОЛЬСКИЙ
ИСТОЧНИК

ТРИ ЛИЦА
МИЛОСЕРДИЯ

КОГДА ТЕРЯЕШЬ ЖИЗНЬ, НО СБЕРЕГАЕШЬ ДУШУ —
ТЫ ПОБЕЖДАЕШЬ.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВЕРИТ,

Странник

**Сборник «Потеряв свою
жизнь, сберегли свою душу»**

«Автор»

2026

Странник

Сборник «Потеряв свою жизнь, сберегли свою душу» /
Странник — «Автор», 2026

Им отняли жизнь. Но не душу. Три судьбы, объединённых одной правдой: справедливость сильнее смерти, а память не знает срока. В мистическом триллере «Монахини расстрельного двора» тюремный врач становится свидетелем ночных явлений монахинь в белом. Они забирают невиновных к роднику, где смерть не властна. За правду придётся заплатить жизнью. Психологическая драма «Ключ. Голос из-под земли. Никольский источник» перенесёт в Барнаул, в СИЗО на месте расстрела. Историк-скептик слышит пение из пустых камер и сталкивается с исцелением у источника. Основано на реальных событиях. Роман-притча «Три лица милосердия»: почему одного врача-праведника знает весь мир, второго — лишь Москва, а третьего забыли? О цене подвига и несправедливости славы. Когда теряешь жизнь, но сберегаешь душу — ты побеждаешь. Для тех, кто верит, что добро не исчезает бесследно.

© Странник, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Повесть: Монахини расстрельного двора	5
Пролог	5
Глава 1 Молодой тюремный врач	8
Глава 2 Старый надзиратель	12
Глава 3 Исчезающие	17
Глава 4 Камера 12	22
Глава 5 Женщины в белом	27
Глава 6 Невинные	32
Глава 7 Архив	37
Глава 8 Ночная вахта	43
Глава 9 Шаги в темноте	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Странник

Сборник «Потеряв свою жизнь, сберегли свою душу»

Повесть: Монахини расстрельного двора

Пролог

Ночь опустилась на монастырь не мягко, а хищно — тяжёлым, душным покрывалом, полным июльской грозы.

Старые стены молчали, но в этом молчании чувствовался надлом. Ветер больше не шелестел в ветвях яблонь монастырского сада — он метался между стволами, словно пытаясь спрятаться. Когда-то здесь, в этом саду, собирали мяту и зверобой, ухаживали за ульями и читали акафисты на закате. Пчелы гудели в разнотравье, и воздух был густым от меда и ладана.

Теперь здесь пахло соляровкой и железом.

Во дворе стояли грузовики — тупорылые, грязные, чужие. Фары били в кирпичную стену, оставляя на ней длинные, дрожащие тени, похожие на языки холодного пламени. Моторы иногда кашляли в темноте, напоминая о себе. Солдаты курили, жадно затягиваясь, и старательно отводили взгляды от окон монастырского корпуса. Внутри, за этими окнами, всё ещё горел свет. Жёлтый, тёплый, живой — наперекор всей этой ночи.

Дверь с железным лязгом распахнулась.

Из здания вывели первую пару. Чёрные фигуры проступили из темноты, будто сама ночь обрела плоть. Монахини шли спокойно, с тем поразительным достоинством, которое выше страха. Головы покрыты, руки смиренно сложены или заняты чётками. Они выходили во двор, словно на вечернюю службу, только вместо звона колоколов их встречал мат и стрекот цикад.

Начальник конвоя, капитан Сергеев, нетерпеливо, почти нервно посмотрел на часы. Стрелки ползли медленно.

— Быстрее, — бросил он хрипло. Голос его не слушался.

Солдаты подвели женщин к стене.

Кирпич был старым, монастырским, потемневший от времени и дождей. Внизу уже зияла свежая траншея — землю перекопали днём, наспех, торопливо. Влажные комья глины тускло поблёскивали в свете фар.

Одна из монахинь, совсем ещё юная, с испуганными, широко распахнутыми глазами, вдруг остановилась, будто наткнулась на невидимую преграду.

— Матушка... — выдохнула она, и в этом шёпоте было столько боли, что один из конвоиров невольно опустил винтовку.

Игуменья — сухая, прямая старица с удивительно ясными глазами — мягко, по-матерински коснулась её руки.

— Не бойся, сестра Анна. Это только миг. А там — Вечность.

Голос её был удивительно спокоен. В нём не было ни страха, ни ненависти. Только тихая, нездешняя усталость и твёрдость алмаза.

Она медленно повернулась к солдатам. Лицо её в резком свете фар казалось высеченным из старого мрамора — белое, строгое, прекрасное той красотой, которой не касается тлен.

— Вы не понимаете, что делаете, — сказала она тихо, но каждое слово упало в тишину двора, как камень в стоячую воду. — Не сегодня. Не здесь. Но придёт день, и вы поймёте.

Один из бойцов, коренастый, с обветренным лицом, нервно сплюнул под ноги.

— Хватит разговоров, мать. Приказ есть приказ.

Капитан дёрнул подбородком, махнул рукой, словно отгоняя наваждение.

— К стене. Исполнять.

Монахини повернулись лицом к шершавому кирпичу. Чёрные одеяния слились с тьмой, только белые руки, сложенные в последнем крестном знамении, слабо мерцали.

Кто-то начал молиться вслух. Сначала тихо, едва шевеля губами, потом твёрже, громче, и этот голос подхватили другие. Молитва росла, набирала силу, вплетаясь в ночной ветер, поднимаясь к звёздам, которые равнодушно глядели на землю с чёрного бархата неба.

— «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас...»

Солдаты переглянулись. Кто-то судорожно сглотнул. Лязгнул затвор.

Капитан Сергеев чувствовал, как под фуражкой выступает липкий пот. Он раздражённо, зло рявкнул:

— Быстро! Огонь!

Винтовки поднялись. Чёрные зрачки стволов уставились в спины.

На секунду всё замерло. Даже ветер стих.

Игуменья вдруг, в это последнее мгновение, посмотрела не в небо, а вниз — на истоптанную землю у стены. Туда, где когда-то, по преданию, был старый колодец. Его засыпали ещё до революции, заровняли, забыли. Но мать-игуменья знала. Сердцем, памятью предков, той древней кровью, что текла в её жилах.

Она медленно, широко перекрестилась.

— Господь всё видит. Он не оставит землю эту без слёз. И вода придёт. Святая вода.

Прозвучал выстрел. Резкий, сухой, расколовший ночь.

Потом второй.

Потом раздалась короткая, нервная очередь, словно стрелявшие торопились покончить с этим.

Молитва оборвалась на полуслове.

Тела тяжело осели, упали на свежую землю, и чёрные одежды распластались по глине, как подбитые птицы.

Некоторые солдаты отвели глаза. Один из них, самый молодой, безусый ещё мальчишка, побледнел так, что стал похож на мел, и, отвернувшись, его вырвало прямо под ноги.

— Следующих! — голос капитана сел, превратившись в сип. — Давай, не затягивать!

Ночь продолжалась долго. Бесконечно долго.

Сестёр выводили снова и снова. Чёрные фигуры одна за другой уходили во тьму, к стене. И молитва, обрываясь выстрелами, каждый раз начиналась снова, как набат.

К рассвету сад был пуст. Грузовики, взревев моторами, уехали, увозя палачей и их страшную тайну.

Двор опустел. Только окурки, следы протекторов да тёмные пятна на земле напоминали о том, что здесь было.

Ветер, уставший, притихший, вяло ворошил листву яблонь.

А потом пошёл дождь. Не просто дождь — ливень, стена воды, будто само небо разверзлось и заплакало навзрыд. Сначала редкие, тяжёлые капли, потом сплошной, яростный поток.

Он лил до самого утра, хлестал по стенам, по крышам и нещадно, яростно размывал свежую, рыхлую землю у стены.

Когда на рассвете во двор вышел старый сторож монастыря, он долго стоял неподвижно. Потом медленно, шаркающей походкой, подошёл ближе.

Земля у стены была тёмной и мокрой. Лужи стояли повсюду.

Но сторож, проживший долгую жизнь и выдавший всякое, заметил странное. Неестественное.

В одном месте, прямо у стены, там, где, как он смутно помнил, когда-то был колодец, почва шевелилась. Медленно, ритмично вздымалась и опадала, словно под ней кто-то дышал. Дышал глубоко и трудно, пробиваясь сквозь толщу земли.

Он наклонился, опираясь на клюку.

Из земли, сквозь размокшие комья глины, медленно выступила прозрачная капля воды. Чистая, как слеза. Потом ещё одна. Ещё.

Через несколько минут из-под земли уже била, пробивалась наружу тонкая, но настойчивая струйка воды.

Сторож перекрестился дрожащей рукой. Он посмотрел на стену, на тёмные пятна на кирпиче, на размокшую землю — и всё понял без слов.

К полудню во дворе, на месте казни, пробился маленький родник. Чистый. Холодный. Прозрачный до дна.

Он тихо журчал, омывая стены, и вода в нём была не простая — ключевая, ледяная, словно рождённая не из недр земли, а из самого сердца той ночи.

И никто из живых тогда ещё не знал, что пройдёт всего несколько лет, и этот монастырь превратят в страшную расстрельную тюрьму. Что в его подвалах поселится эхо шагов и хрипы умирающих.

Но те, кому суждено будет войти в эти стены обречёнными, иногда ночью, перед самой казнью, будут чувствовать странное присутствие. Из закрытых камер, из подвалов, куда нет выхода, будут бесследно исчезать люди. Их будут искать, но не найдут.

А на полу, в лунном свете, пробивающемся сквозь зарешеченные окна, будут оставаться только мокрые следы. Цепочка следов босых ног, ведущая к стене, откуда уже никто не возвращался. И в ночной тишине, заглушая лай собак и шаги конвоя, будет слышен тихий, неумолчный плеск родника.

Глава 1 Молодой тюремный врач

Поезд остановился резко, будто поперхнулся на полуслове и устал ехать дальше. Лязгнули сцепки, эхом прокатившись по пустому составу. Паровоз выдохнул клуб пара, и тот сразу же смешался с утренним туманом, повисшим над платформой.

Алексей Воронцов отодвинул запотевшее стекло и выглянул в окно. Маленькая станция тонула в молочной пелене, как забытый богом остров. Деревянная табличка с названием города сиротливо покосилась на ржавом столбе, краска с букв облупилась, стёрлась — прочитать название было почти невозможно. Впрочем, Алексей и так знал, куда приехал. Место назначения он запомнил навсегда, когда получил предписание.

Он взял тяжёлый, выдавший виды чемодан, окованный медью по углам, и сошёл на платформу. Подошва ботинок ступила на доски, сырые от росы. Холодный ветер сразу ударил в лицо — не по-летнему резкий, пронизывающий, пахнувший болотом и прелой листвой, будто осень уже стояла на пороге.

На станции было почти пусто. Только грузовой вагон скрипел где-то в стороне, постанывая на стрелках, да старик в выцветшей железнодорожной фуражке беззвучно подметал перрон. Метла шуршала по доскам мерно и уныло, как маятник.

— В город? — спросил он, не поднимая головы, словно видел перед собой не человека, а очередную тень, которую нужно смести.

— Да, — ответил Алексей, поправляя воротник пальто.

Старик махнул рукой куда-то в туман, за станционные постройки.

— Пешком недалеко. Вон дорога. Всё прямо, никуда не сворачивай. Далеко не забредёшь — городок маленький.

Алексей кивнул и пошёл. Чемодан тянул руку, колёсиков тогда не делали, и каждый шаг отдавался тяжестью в плече.

Город действительно оказался маленьким. Низкие, приземистые дома смотрели на пустынную улицу подслеповатыми окнами. Кривые переулки разбегались в стороны, упираясь в заборы и пустыри. Редкие прохожие — бабы в платках, мужик в телогрейке — оборачивались ему вслед. Смотрели недолго, но цепко, профессионально, словно пытались разгадать: свой или чужой, зачем пожаловал, что ему здесь нужно? Взгляды эти были тяжёлыми, как камни, и Алексею стало не по себе. Он ускорил шаг.

Тюрьма стояла на холме. Её было видно отовсюду — серая громада, венчающая город, как больной зуб. Но когда Алексей поднялся ближе и увидел её впервые вблизи, он остановился как вкопанный.

Здание было странным для тюрьмы.

Высокие, сложенные из тёсаного камня стены, узкие, стрельчатые окна, какие бывают только в храмах, и старая колокольня, увенчанная не крестом, а ржавым флагштоком. Колокола с неё сняли давно, но их молчание чувствовалось в воздухе — тяжёлое, гнетущее.

Больше всего это напоминало... монастырь.

Алексей сглотнул подступивший к горлу ком. Он знал, куда едет, но одно дело — читать предписание, другое — стоять перед этим.

Он поднялся по разбитой дороге и подошёл к воротам. Тяжёлые, окованные железом створки, высоченная стена с колючей проволокой поверху. На вышке, засиженной птицами, стоял часовой с винтовкой.

— Стоять! Кто такой? — окрик прозвучал резко, отразившись от стен.

— Врач. Воронцов Алексей Петрович. Из управления должны были сообщить.

Часовой посмотрел бумаги, которые Алексей поднял над головой, сверился с чем-то в планшете и крикнул вниз, в прорезь стены:

— Открывай! Врач прибыл!

За воротами лязгнуло, звякнуло, и тяжёлые створки со скрипом раздвинулись, открывая пасть.

Алексей шагнул внутрь.

Во дворе пахло сыростью и известкой — резко, въедливо. Камни под ногами были мокрыми, будто недавно прошёл сильный дождь, хотя небо над головой было ясным, и утреннее солнце уже начинало пробиваться сквозь туман. Вода лежала в выбоинах мостовой, стекала тонкими струйками к сточной решётке.

Алексей заметил это сразу. Вода текла не отовсюду, а из одного места — из-под стены, у самой колокольни. Тонкая, живая струйка бежала по камням, журчала едва слышно и уходила в решётку стока.

— Родник, — раздался вдруг голос за спиной, глухой, прокуренный.

Алексей резко обернулся. Рядом стоял пожилой надзиратель — грузный, с седыми, подстриженными ёжиком усами, в мятом кителе. Глаза у него были светлые, выцветшие, но цепкие.

— Родник? — переспросил Алексей, кивая на воду. — Прямо во дворе тюрьмы?

— Ага. — Надзиратель сунул руки в карманы. — Сам появился. Давно уже. Лет десять назад, а может, и больше. Никто его не бурил, сам пробился.

Он посмотрел на врача странным, изучающим взглядом. Сверху вниз, с ног до головы, и обратно.

— Здесь многое само появляется, — добавил он многозначительно. — И исчезает тоже. Вы, доктор, к этому быстро привыкайте. А то свихнётесь.

Алексей не нашёлся, что ответить. Он поправил чемодан и пошёл за надзирателем внутрь.

Коридоры были длинные, бесконечные, с толстыми каменными стенами, сложенными ещё монастырскими мастерами. Когда они шли, шаги гулко отдавались под сводчатыми потолками, множилось, догоняли друг друга, создавая жутковатое эхо, будто за ними шёл кто-то ещё.

— Раньше это был монастырь, — обронил надзиратель, не оборачиваясь. — Женский. Слышали, поди?

— Читал в документах, — ответил Алексей.

— А теперь сами видите, — надзиратель усмехнулся чему-то своему. — Из божьего дома в дом скорби. А впрочем, какая разница? И там, и тут о душах думают. Только мы — по-своему.

Он остановился у массивной двери, обитой железом, и отодвинул засов.

— Лазарет.

Комната оказалась маленькой, тесной, с низким потолком. Железная кровать, застеленная серым одеялом, стол, залитый чернилами, шкаф с застеклёнными дверцами, за которыми угадывались пузырьки и банки. Пахло карболкой и ещё чем-то сладковатым, тоскливым.

— Вот и всё ваше хозяйство, — надзиратель развёл руками. — Располагайтесь. Первых клиентов уже через час приведут. Тут у нас не курорт, доктор.

Алексей поставил чемодан на пол.

— Заключённых много?

— Хватает, — надзиратель помялся в дверях. — Камеры полные. Следствие работает, мама не горюй.

Он помолчал, глядя куда-то в сторону, за окно, где виднелась стена и кусочек неба.

— Особенно перед расстрелами, — добавил он тихо. — Тогда работы много. Оформить, проверить, годен ли... Подписать.

Он сказал это так спокойно, будто речь шла о погоде или о том, что на ужин в столовой. Алексей почувствовал, как внутри что-то сжалось в тугой узел.

— Я понимаю, — ответил он коротко.

Надзиратель хмыкнул, кивнул и вышел. Засов лязгнул, но Алексей понял, что дверь не заперта — всё-таки он не заключённый. Пока не заключённый.

Он сел за стол.

Работа началась сразу. Ровно через час, как и обещали, привели первого.

Худой мужчина с провалившимися глазами, небритый, с серым лицом. Его втолкнули в лазарет двое конвойных с винтовками и посадили на табурет перед столом.

— Жалобы? — спросил Алексей, разворачивая журнал и обмакивая перо в чернильницу.

— Нет, — тихо ответил мужчина. Голос был сиплым, но ровным. Ни страха, ни надежды.

Алексей осмотрел его механически — послушал сердце холодной трубкой стетоскопа, проверил пульс, заглянул в рот. Сердце билось ровно, лёгкие чисто. Здоров. Годен.

Он вывел в журнале дрожащей рукой:

«К расстрелу годен».

Конвойные подхватили мужчину под локти и вывели.

После обеда привели ещё двоих. Потом ещё. Потом ещё четверых. Лица сливались в одну серую массу, глаза смотрели сквозь него, диагнозы были одинаковы — «практически здоров», приговор тоже один.

К вечеру журнал был почти заполнен. Алексей устал, глаза слезились от плохого освещения — керосиновая лампа коптила и давала мало света.

Когда конвой увёл последнего, он остался один.

Тишина навалилась внезапно. Только где-то далеко капала вода.

Кап.

Кап.

Кап.

Алексей потёр переносицу, откинулся на спинку стула и машинально перелистал страницы журнала назад. Проверить, сколько сегодня прошло.

И вдруг нахмурился.

Нумерация заключённых шла по порядку, как учили в институте, как положено.

421

422

423

Потом сразу, через строчку —

Алексей перелистал назад. Перечитал ещё раз. Моргнул, думая, что обознался. Нет.

Номер 424 отсутствовал.

Он подумал, что это ошибка канцелярии. Бывает, пропускают, путают. Но сердце уже забилось быстрее — нехорошее, липкое предчувствие поднялось изнутри.

Он встал, вышел в коридор.

Дежурный надзиратель сидел у стола при свете тусклой лампочки и читал газету, шевеля губами.

— Скажите, — спросил Алексей, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — а где заключённый номер четыреста двадцать четыре? В журнале пропуск.

Надзиратель медленно поднял глаза от газеты. Посмотрел на Алексея долгим, ничего не выражающим взглядом.

— Нет такого, — сказал он ровно.

— Как нет? — Алексей не понял. — Но номер пропущен. Не может быть пропуска.

— Бывает, — надзиратель пожал плечами и снова уткнулся в газету. — Бумажки всякое бывает. Чего вы привязались?

Алексей постоял, чувствуя себя дураком, и вернулся в лазарет.

Но уснуть не мог. Ворочался на жёсткой койке, слушал, как капает вода, и думал о пропущенном номере.

На следующий день он снова заметил странность.

Снова пролистывая журнал перед началом приёма, он увидел свежий пропуск.

Заключённого с этим номером не было в списках. Его не приводили, его не существовало в бумагах.

Алексей достал архивные папки с делами. Их хранили тут же, в шкафу, пыльные, перевязанные бечёвкой. Он работал почти до ночи, сличая номера, вчитываясь в корявые строчки обвинений, сверяя даты.

И постепенно начал понимать странную вещь, от которой кровь стыла в жилах.

Все пропавшие номера принадлежали людям, чьи дела были пугающе одинаковы. Короткие, в полстраницы, обвинения. Никаких доказательств — ни подписей свидетелей, ни вещдоков. Одинаковые формулировки, написанные будто под копирку. И одинаковые, размашистые подписи следователей внизу — две-три фамилии, повторяющиеся из дела в дело.

Сфабрикованные дела.

Но самих людей не было. Номера шли дальше, а эти — исчезали. Выпадали из реальности, как выпадают камни из ветхой кладки.

Алексей закрыл последнюю папку и откинулся на спинку стула. В лазарете было тихо. Слишком тихо.

Он услышал, как где-то в здании — то ли сверху, то ли снизу, то ли из-за стены — капает вода.

Кап.

Кап.

Кап.

Ритмично, неумолимо, как секундомер.

Он встал, чтобы закрыть окно — оттуда тянуло холодом, — и замер.

На каменном полу у двери, там, где ещё час назад было сухо, теперь темнели мокрые следы.

Следы босых ног. Небольшие, узкие, женские.

Они тянулись от двери, пересекали комнату, вели в коридор — и там растворялись в темноте, уходя куда-то в глубь тюрьмы, туда, где находились старые, закованные ещё с монастырских времён подвалы.

В горле пересохло. Алексей хотел крикнуть, позвать кого-то, но голос пропал.

Он только смотрел на эти следы, на воду, которая ещё не успела высохнуть, и слушал, как за стеной мерно, бесконечно капает родник.

Кап.

Кап.

Кап.

Вода звала. Вода помнила.

Глава 2 Старый надзиратель

Ночь в тюрьме была другой.

Днём здесь ещё кипела видимость жизни: тяжёлые шаги конвоя, лязг запоров, отрывистые команды, кашель заключённых, доносившийся из-за дверей, скрип сапог по камню. Днём стены покорно молчали, притворяясь просто стенами.

Но ночью каменные громады будто оживали. Каждый звук становился громче, отчётливей, зловещей. Тишина здесь не была пустой — она была плотной, вязкой, наполненной шорохами и вздохами, которых не могло быть. Коридоры дышали сквозняками, и эти дыхания пахли сыростью и чем-то ещё — сладковатым, тоскливым, невозможным.

Алексей Воронцов долго не мог уснуть.

Комната врача находилась в бывшей монашеской келье на втором этаже — это чувствовалось во всём. Потолок был низким, давящим, выбеленная известкой поверхность хранила тёмные пятна, похожие на лики. Стены — толщиной в метр — не пропускали звуков снаружи, но зато проводили звуки изнутри, из самой глубины здания. А маленькое, забранное решёткой окно выходило прямо на двор.

К той самой стене.

Он повернулся на жёсткой кровати и посмотрел в окно. Луна, полная и холодная, освещала камни двора беспощадно ярко. Тень от колокольни лежала длинной, идеально ровной чёрной полосой, разрезая пространство надвое. В этом свете даже пыль казалась живой.

И там же — у стены, где днём он видел родник — темнело пятно сырой земли. Оно было больше, чем утром. Гораздо больше. Будто вода поднималась, прибывала, наступала.

Алексей отвернулся к стене, натянул тонкое одеяло до подбородка. Закрыв глаза.

Сон всё равно не приходил.

Где-то в здании капала вода.

Кап.

Кап.

Кап.

Звук был ровным, бесконечным, как метроном, отсчитывающий время до чего-то неизбежного. Он проникал сквозь стены, сквозь подушку, сквозь сжатые веки. Кап-кап-кап — и перед глазами снова всплывали страницы журнала.

Пропущенные номера.

Четыреста двадцать четвёртый.

Четыреста тридцать восьмой.

Будто этих людей никогда не существовало. Будто их вычеркнули не только из жизни, но и из памяти, из бумаг, из мира.

Алексей сел на кровати. Сердце колотилось где-то в горле. Он провёл рукой по лицу — ладонь была влажной от холодного пота.

Нужно было проветриться. Или убедиться, что он не сходит с ума.

Он встал, накинул пальто поверх рубашки, сунул ноги в ботинки и вышел в коридор.

Лампы горели тускло, через одну. Свет был жёлтый, болезненный, едва достигающий середины коридора, оставляющий углы в непроглядной тьме. Где-то гудело электричество — тоскливо, надсадно.

В конце коридора, за деревянным барьером, сидел дежурный надзиратель — тот самый седой мужчина с пышными усами, грузный, с мятым лицом человека, который видел слишком много. Он пил чай из жестяной кружки, закопчённой снизу. Пар поднимался над кружкой и таял в тусклом свете.

Услышав шаги, он поднял голову. Глаза его — светлые, выцветшие до голубизны — смотрели внимательно, без удивления.

— Не спится, доктор? — спросил он негромко. Голос у него был низкий, прокуренный, с хрипотцой.

— Да, — Алексей подошёл ближе, остановился у барьера. — Воздух какой-то... тяжёлый. Надзиратель усмехнулся одними усами.

— Здесь всегда такой. Привыкнете. Не привыкнете — уедете. Третьего не дано.

Алексей помялся. Слова сами сорвались с языка, хотя он не планировал этого разговора:

— Скажите... Пропавшие заключённые здесь обычное дело?

Рука надзирателя, подносявшая кружку ко рту, замерла на мгновение. Он медленно поставил кружку на стол. Глаза его стали другими — колючими, настороженными.

— Какие пропавшие? — спросил он ровно, но в этой ровности чувствовалось напряжение.

— Номера в журнале. Людей нет. Я проверял.

Надзиратель некоторое время молчал, глядя куда-то мимо Алексея, в тёмный провал коридора. Потом тихо усмехнулся — невесело, понимающе.

— Вы быстро заметили. Быстрее других.

— Значит, я не ошибся?

Надзиратель посмотрел на тёмный коридор — долго, пристально. Будто ждал, что оттуда кто-то выйдет.

— Сколько вы здесь работаете? День?

— День.

— Тогда слушайте, доктор. И запоминайте. Здесь это может пригодиться.

Он наклонился ближе, опершись локтями о стол, и понизил голос до шёпота:

— Люди здесь иногда... исчезают.

Алексей нахмурился.

— Как это возможно? Камеры закрыты. Я сам видел замки — по три оборота.

— Вот именно, — надзиратель кивнул, и усы его дрогнули. — Камеры закрыты. Ключи у охраны, на поясе, под подушкой. Окна решётчатые, решётка не пиленая, не ломаная. Стены толщиной метр — камень, мать его, монастырский, на известковом растворе, который крепче бетона.

Он сделал паузу и поднял глаза на врача. В свете тусклой лампы его лицо казалось вырезанным из старого дерева — морщины глубокими трещинами.

— Но иногда утром приходят — камера пустая.

Алексей почувствовал, как по спине пробежал холод. Не от сквозняка — от этих слов.

— Побег? Подкоп? Сговор с охраной?

Надзиратель медленно покачал головой.

— Нет. Проверяли. Каждого, каждый раз. Комиссии приезжали из области. Следователи с собаками. Ничего.

— Тогда что? — голос Алексея дрогнул.

Старик долго молчал. В тишине снова стало слышно, как капает вода.

Кап. Кап. Кап.

— Вы знаете, что это раньше был монастырь? — спросил он, хотя ответ знал.

— Да. Читал.

— Женский. Свято-Троицкий. Стоял здесь триста лет, пока не пришли... ну, вы понимаете.

Алексей кивнул. Он понимал.

Надзиратель снова посмотрел в сторону двора — туда, где за толстыми стенами лежала лунная тень от колокольни.

— После революции, в восемнадцатом, их всех расстреляли. Монахинь. Тридцать семь человек. И игуменью.

Алексей вспомнил родник, бьющий из-под стены.

— Во дворе?

— У стены. Где сейчас вода.

Старик тихо постучал пальцем по столу — раз, другой, третий. Будто отсчитывал.

— А через день после расстрела появился родник. Никто не бурил, не копал. Просто в один день — забила вода из-под земли. Чистая. Холодная. И течёт до сих пор.

В коридоре снова послышался звук капающей воды.

Кап. Кап. Кап.

Он был громче теперь. Или это Алексею казалось?

— С тех пор иногда происходит странное, — продолжил надзиратель, и голос его стал совсем тихим.

— Какое странное? — Алексей почти не дышал.

Надзиратель посмотрел прямо на него. В выцветших глазах плескалась темнота.

— Исчезают только те, кто не виноват.

Алексей резко поднял голову.

— Откуда вы знаете? — выдохнул он.

— Я здесь двадцать лет, доктор. Двадцать лет я смотрю на эти стены, на эти лица, на эти бумажки. Я научился отличать виноватых от невиноватых. Виноватые — они другие. У них глаза пустые. Или злые. А невиноватые... они смотрят и не понимают: за что? Почему я?

Старик наклонился ближе. От него пахло махоркой и старым потом.

— Сначала думали — побег. Кто-то помогает. Искали дыры, искали подкопы, искали продажных. Даже трёх надзирателей расстреляли для острастки.

Он покачал головой.

— Но каждый раз перед исчезновением те, кто оставался в соседних камерах, говорили одно и то же.

— Что? — шёпотом спросил Алексей.

Надзиратель прошептал, едва шевеля губами:

— Они видели женщин.

У Алексея пересохло в горле.

— Каких женщин?

— Монахинь.

Слово упало в тишину коридора, как камень в воду — круги пошли невидимые, холодные.

— Заключённые рассказывали, — продолжал старик, — что ночью, перед самым исчезновением, дверь камеры открывалась сама. И входили они. В чёрном. С покрытыми головами. Молчаливые. Подходили к тому, кто должен был исчезнуть, и брали за руку.

— И что потом? — Алексей чувствовал, как сердце колотится где-то в висках.

— А потом — свет. Яркий, говорили, как от множества свечей. И тишина. А утром камера пустая. И мокрые следы на полу.

Надзиратель перевёл дух.

— Никто из ушедших не вернулся. Но и тел мы никогда не находили. Ни во дворе, ни в подвалах, ни за стеной. Как сквозь землю.

В этот момент где-то в глубине тюрьмы — этажом ниже, в крыле, где держали подсудимых — громко хлопнула дверь камеры.

Звук был резкий, металлический, отчётливый. Эхо заметалось по коридорам, множась, усиливаясь.

Оба вздрогнули.

Потом раздался крик. Нечеловеческий, полный ужаса:

— Дежурный! Сюда! Скорее!

Надзиратель вскочил, опрокинув кружку. Чай разлился по столу тёмной лужей.

— Пойдёмте, доктор. Кажется, опять.

Они быстро пошли по коридору — старик впереди, Алексей за ним. Шаги гулко отдавались под сводами, и эхо бежало впереди них, предупреждая тьму.

Когда они спустились на первый этаж и подошли к камере 17, возле неё уже стояли двое конвойных. Один из них — молодой парень с круглым лицом — был бледен до синевы и мелко дрожал. Винтовка ходила ходуном в его руках.

— Что случилось? — резко спросил надзиратель, подходя.

Конвоир указал стволом на дверь, не в силах вымолвить ни слова. Второй, постарше, с нашивками, ответил хрипло:

— Заключённый, товарищ начальник.

— Что с ним? Бежал? Заболел?

Тот сглотнул, кадык дёрнулся.

— Его нет.

Надзиратель выхватил у него ключи, дрожащей рукой отпер замок. Тот щёлкнул с металлическим лязгом, и дверь распахнулась.

Внутри было пусто.

Железная кровать с серым одеялом, сбитым в комок.

Металлический стол, привинченный к полу.

Табурет.

Параша в углу.

И больше ничего.

Алексей медленно вошёл внутрь, чувствуя, что воздух в камере тяжелее, чем в коридоре — спёртый, влажный, холодный. Он подошёл к окну. Оно было закрыто наглухо — створка не открывалась, только форточка, но та слишком узкая даже для ребёнка. Решётка снаружи — целая, не тронутая, без следов подпила.

Он обернулся. Посмотрел на дверь — массивная, обитая железом, с хитрым механизмом замка. Такая открывается только ключом. Снаружи.

И вдруг опустил глаза вниз.

На каменных плитах пола, там, где ещё час назад было сухо, теперь отчётливо виднелись мокрые следы босых ног.

Небольшие. Узкие. Женские.

Они тянулись от кровати к двери — ровной цепочкой, словно кто-то прошёл босиком по луже. Вода ещё не высохла — она поблёскивала в свете лампы, которую держал конвоир.

Алексей проследил взглядом: следы уходили в коридор. И дальше. В темноту. К старой лестнице, ведущей в подвал.

Он поднял глаза. Надзиратель стоял в дверях, и лицо его было серым, как стена.

— Я же говорил, — сказал он тихо, почти беззвучно.

Он посмотрел в тёмный провал коридора — туда, где исчезали мокрые следы.

— Они опять пришли.

В наступившей тишине снова стало слышно, как капает вода.

Кап.

Кап.

Кап.

Теперь этот звук шёл не отовсюду. Он шёл снизу. Из подвала.

Алексей шагнул к лестнице, но надзиратель вдруг схватил его за руку. Хватка у старика оказалась неожиданно сильной.

— Не ходите туда, доктор, — прошептал он. — Не сейчас.

— Почему?

— Потому что те, кто уходят за ними, назад не возвращаются. Я пробовал. Двадцать лет назад пробовал. Хорошо, что успел убежать.

Он разжал пальцы. На руке Алексея остались красные следы.

— Что же это? — спросил Алексей, глядя на тёмный провал лестницы.

Надзиратель перекрестился — неумело, по-стариковски, но с искренней верой.

— Это святая вода, доктор. Та, что поит нас каждый день. Только она не простая. Она плачет по ним. И забирает тех, кто не виноват.

Алексей смотрел в темноту, слушал капель и чувствовал, как внутри замерзает всё. Мир, который он знал — с его законами, логикой, наукой — трещал по швам.

Из темноты подвала, из глубины веков, на него дышала Вечность.

Глава 3 Исчезающие

Камера 17 оставалась пустой.

Утром, когда тюрьма проснулась, надзиратели снова осмотрели стены — уже при свете дня, тщательно, профессионально. Старший конвоя лично проверил решётку, дёргал её, стучал по прутьям — ни одной щели, ни одного ослабленного крепления. Простучали пол — глухой, монолитный камень, никаких пустот. Один из конвоиров, молодой и въедливый, даже снял лампу со стены и осветил потолок, задрав голову так, что фуражка упала.

Ничего.

Никаких следов взлома. Никаких лазов. Никаких щелей, тайников, подкопов. Камера была герметичной гробницей, из которой исчезло тело.

Заключённый просто исчез.

Начальник смены — грузный капитан с красным лицом — ругался тихо, но зло, сквозь зубы, матерясь так, что воздух синел. Он метался по коридору, тыча пальцем в дверь, в конвоиров, в стены.

— Дверь кто открывал?! — рявкнул он, остановившись перед бледным конвоиром.

— Никто, товарищ капитан, — ответил тот, глотая слова. — Я дежурил всю ночь. Не спал. Клянусь.

— Ключ у тебя был?

— Да. На поясе. — он трясущимися руками показал связку. — Никуда не отлучался.

— И? — капитан приблизил лицо вплотную.

Конвоир побелел так, что стал похож на бумагу.

— Я клянусь... дверь не открывали. Я слышал бы. Засов — он же гремит!

Капитан выпрямился, перевёл тяжёлый взгляд на Алексея, который стоял в стороне, прильнув к стене.

— Вы что-нибудь видели, доктор? Слышали?

Алексей покачал головой.

— Нет. Я был наверху. Услышал крик — спустился.

Он не добавил главного: что видел мокрые следы. Что они тянулись к лестнице в подвал. Что эти следы до сих пор стоят у него перед глазами.

Капитан сплюнул на пол.

— Уведите всех, — махнул он рукой. — Камеру опечатать. Рапорт начальнику тюрьмы. Чёрт знает что творится.

Люди начали расходиться — конвоиры уводили бледного парня, капитан ушёл составлять бумаги, стуча сапогами по камню.

Старый надзиратель задержался у двери. Он посмотрел на Алексея долгим, понимающим взглядом.

— Видели? — тихо спросил он, когда все ушли.

Алексей кивнул.

— Видел.

Старик вздохнул, провёл рукой по седым усам.

— Теперь понимаете, доктор. Это не первый. И не последний.

Алексей ничего не ответил. Он смотрел на дверь камеры, за которой не было никого, и чувствовал, как внутри закипает странное чувство — смесь страха и жгучего любопытства.

Он пошёл в архив.

Решение пришло само собой, после бессонной ночи, полной капли и шорохов. Если заключённые исчезают — значит, должна быть система. Закономерность. Ключ.

Архив тюрьмы находился в бывшей монастырской библиотеке. Алексей толкнул тяжёлую дубовую дверь и замер на пороге.

Высокие, сводчатые потолки уходили в темноту. Длинные, до потолка, шкафы из тёмного дерева теснились рядами, набитые пыльными папками, перевязанными бечёвкой. Воздух здесь был густым, неподвижным, пахло старой бумагой, плесенью и ещё чем-то сладковатым, тоскливым — может временем.

За столом в углу, под единственным окном, сидел архивариус. Худой, сутулый мужчина в круглых очках с толстыми линзами, из-за которых его глаза казались огромными и водянистыми. Он поднял голову при звуке шагов.

— Вам что нужно? — голос у него был скрипучий, как несмазанная дверь.

— Дело заключённого из камеры семнадцать, — сказал Алексей. — Кузнецова.

Архивариус кивнул, поднялся и бесшумно, как тень, скользнул между шкафами. Алексей слышал, как шуршат папки, как скрипят половицы под его лёгкими шагами.

Через минуту он вернулся с тонкой папкой.

— Вот.

Алексей открыл её на столе.

Имя заключённого — Николай Кузнецов.

Год рождения — 1902.

Обвинение — вредительство на производстве.

Приговор — расстрел.

Он быстро перелистал страницы. Показания — две страницы, написанные одним почерком. Подписи свидетелей — неразборчивые каракули. Протокол допроса — полстраницы, формальный, пустой.

И почти никаких доказательств. Ни актов экспертизы, ни вещдоков, ни свидетелей, которых можно было бы проверить.

Алексей нахмурился. Это было похоже не на уголовное дело, а на пародию.

— Есть другие дела за последние месяцы? — спросил он, поднимая голову.

Архивариус молча указал на шкафы.

— Все в этих шкафах. По годам, по номерам. Система есть.

— Спасибо.

Алексей провёл в архиве несколько часов.

Он открывал папку за папкой, вчитывался в строки, сравнивал, записывал номера в блокнот. Пыль поднималась от бумаг, оседала на рукавах, щекотала в носу. Солнце медленно ползло по полу, уступая место серым сумеркам.

К вечеру перед ним лежал список.

424

438

451

467

Все эти люди исчезли из тюрьмы до суда или до приведения приговора в исполнение. Их дела были помечены карандашом: «выбыл», «дело прекращено», «переведён». Но никаких отметок о переводе в другие тюрьмы не было. Никаких подписей. Никаких свидетелей перевода.

И у всех было одно и то же.

Короткое обвинение — вредительство, шпионаж, антисоветская агитация.

Одинаковая формулировка, будто списанная с одного шаблона.

Никаких реальных свидетелей — только подписи, которые невозможно проверить.

Никаких доказательств.

Сфабрикованные дела.

Алексей откинулся на спинку стула. Голова гудела, глаза слезились от напряжения, но мысль работала чётко.

Это не могло быть совпадением. Слишком много общего. Слишком явная система.

Кто-то в тюрьме — или вне её — фабриковал дела. Отправлял людей на расстрел. И эти люди... исчезали.

Но исчезали не так, как положено. Не в расстрельном подвале, не в братской могиле. Они исчезали из запертых камер.

Он потянулся за следующей папкой — самой верхней в стопке, которую принёс архивариус.

Заключённый 472.

Имя — Сергей Петрович Белов.

Обвинение — шпионаж в пользу иностранной державы.

Приговор — расстрел через три дня.

Алексей внимательно прочитал дело.

Снова те же странности. Показания «свидетелей», написанные одним почерком. Отсутствие конкретики. Несостыковки в датах. Подпись следователя — та же, что и в других делах: капитан госбезопасности Яковлев.

Алексей закрыл папку и посмотрел на дату приговора.

Через три дня.

Если слухи правдивы... Если заключённые исчезают перед расстрелом, забираемые кем-то или чем-то из ночной тьмы...

То 472 может быть следующим.

Он посмотрел на часы. Почти девять вечера. За окном архива уже стояла густая южная ночь.

Он положил папку на место, поблагодарил архивариуса (тот только кивнул, не поднимая головы) и вышел во двор.

Вечером Алексей снова встретил старого надзирателя.

Тот сидел во дворе возле стены — там, где бил родник — на перевёрнутом ящике, и курил, пуская дым в темнеющее небо. Сумерки медленно, величественно опускались на бывший монастырь, окрашивая стены в багровые тона. Где-то далеко лаяли собаки, но здесь, во дворе, было тихо, только тихо, неумолчно журчала вода.

Алексей подошёл ближе. Камни под ногами были влажными — родник разливался всё шире, занимая двор.

— Это родник? — спросил он, хотя знал ответ.

— Да, — надзиратель кивнул, не оборачиваясь. — Всё течёт. Не пересыхает никогда. Даже в засуху.

Алексей наклонился. В камнях действительно была тонкая, но чистая струйка воды. Она выходила прямо из-под земли, из-под стены, огибала камнями и убегала в сточную решётку. Вода была прозрачной, холодной на вид, и в ней отражалось багровое небо.

— Он появился после расстрела? — спросил Алексей прямо.

Надзиратель медленно повернул голову. Глаза его в темноте казались чёрными.

— На следующий день. Утром сторож пришёл — а здесь вода. Бьёт ключом.

— И с тех пор... исчезновения?

Старик кивнул.

— Сначала редко. Раз в год, раз в два года. А потом чаще. Последние годы — уже несколько раз за месяц.

Некоторое время они молчали. Только вода журчала, и этот звук казался Алексею почти живым — пульсом земли, дыханием тех, кто ушёл.

Потом Алексей сказал то, что вычитал в делах:

— Исчезают только невинные.

Надзиратель посмотрел на него внимательно, с уважением.

— Вы тоже это заметили.

— Да.

— Я говорил вам. Я двадцать лет здесь. Я видел их лица. Виноватые — они другие. У них глаза пустые. А эти... они смотрят на тебя, и ты знаешь: не виноват. И они знают, что не виноваты. И всё равно идут к стене.

Алексей посмотрел на тёмную стену, на старый кирпич, хранивший память о тридцати семи монахинях.

— Кто их забирает? — спросил он тихо. — Если не люди?

Старик ответил не сразу. Он докурил, бросил окурки в траву, придавил каблуком. Помолчал, глядя в темнеющее небо, где уже загорались первые звёзды.

— Иногда ночью, — сказал он наконец, — когда в тюрьме тихо, можно услышать шаги. В коридорах. Там, где никого нет.

— Чьи шаги? — спросил Алексей, хотя уже знал ответ.

Надзиратель поднял глаза на окна бывшего монастыря. В некоторых горел тусклый свет, большинство было тёмными, мёртвыми.

— Женские. Лёгкие. Будто по камню босиком.

Алексей почувствовал, как холодок пробежал по спине, несмотря на тёплый вечер.

— Вы их видели?

Старик покачал головой.

— Я — нет. Не дай Бог. А вот те, кто оставался в соседних камерах, — видели. Говорят, входят в камеру, где спит обречённый. Чёрные, с покрытыми головами. Молчат. Просто стоят и смотрят. А потом одна подходит и берёт за руку.

— И что дальше?

— Дальше — свет. Говорят, яркий свет, как от множества свечей. И тишина. А утром камера пустая.

В этот момент из родника вдруг громче зажурчала вода.

Звук усилился, стал более отчётливым, будто под землёй открылась новая жила. Алексей посмотрел вниз, на воду, на её дрожащее отражение.

И ему показалось.

На секунду, на одно биение сердца, в тёмной глади воды, колеблемой ветерком, мелькнуло отражение — тёмный силуэт, женская фигура в монашеском одеянии, с покрытой головой, стоящая прямо у него за спиной.

Алексей резко обернулся.

За спиной никого не было.

Только пустой двор, залитый сумеречным светом. Только старая расстрельная стена, тёмная и немая. Только ветер, шелестящий в ветвях яблонь, которые когда-то сажали монахини.

— Вы видели? — спросил он, и голос его дрогнул.

Надзиратель медленно поднялся с ящика. Лицо его было бледным в темноте.

— Я ничего не видел, доктор. И вам не советую. Идите спать. Завтра новый день.

Он развернулся и, не прощаясь, пошёл к входу в тюрьму, оставив Алексея одного у родника.

Вода журчала.

Где-то в здании хлопнула дверь.

Алексей стоял и смотрел на тёмную стену, за которой начинался подвал, и думал об одном:

Через три дня исчезнет ещё один человек.

Если только он не успеет что-то сделать.

Но что? И против кого? Или против чего?

Вода журчала, и в её шуме ему слышались голоса. Множество женских голосов, тихо поющих что-то древнее, церковное, скорбное.

Он перекрестился — впервые за много лет — и быстро пошёл прочь.

Глава 4 Камера 12

Весь следующий день Алексей не мог избавиться от странного, липкого напряжения, которое преследовало его, как тень.

Оно начиналось с утра — холодком под ложечкой — и росло к вечеру, сжимаясь в тугой узел где-то в груди. Слова старого надзирателя не выходили из головы, врезались в память, как клеймо:

Исчезают только невиновные.

Он снова и снова, в перерывах между осмотрами заключённых, мысленно возвращался к делу 472. Чем больше он перебирал в памяти детали, тем больше убеждался: обвинение было построено на пустоте. На ветре. На злом умысле тех, кому нужно было закрыть разнарядку.

Подписанные под давлением «признания» — корявые, путанные, явно продиктованные следователем. Никаких реальных свидетелей — только фамилии в протоколах, за которыми никто не стоял. Никаких вещественных доказательств — ни документов, ни фотографий, ничего.

А приговор уже был назначен.

Расстрел через два дня.

Алексей поймал себя на странной, дикой мысли, от которой волосы шевелились на затылке.

Если легенда правдива... он может исчезнуть.

Эта мысль казалась безумной. Врач, человек науки, выпускник медицинского факультета, не должен был верить в такие вещи. В призраков. В монахинь, выходящих из стены. В воду, которая забирает невиновных.

Но после камеры 17, после мокрых следов, после шёпота старого надзирателя он уже не был так уверен в том, что мир устроен просто и понятно.

Мир трещал по швам.

К вечеру тюрьма начала стихать, как зверь, укладывающийся в берлогу.

Заключённых загнали по камерам — последняя проверка, лязг запоров, глухие удары дверей. Конвой сменился — усталые дневные ушли, пришли ночные, сонные, с кружками чая и кислыми лицами. По коридорам прошёлся дежурный офицер, проверяя посты, стуча каблуками по камню, и его шаги долго ещё отдавались эхом где-то в подвалах.

Лампы горели тусклым, болезненно-жёлтым светом, оставляя углы в чёрной мгле. Тени от решёток ложились на стены, как пальцы скелетов.

Алексей сидел в лазарете, тупо глядя в отчёт, который пытался читать уже час. Буквы расплывались, строчки прыгали, мысли уходили куда-то в сторону, к роднику, к стене, к камере 17.

Где-то снова капала вода.

Кап.

Кап.

Кап.

Он уже привык к этому звуку. Казалось, вода капает не из крана и не из трубы — она капает из самих стен, из камня, из памяти этого места.

Кап.

Кап.

Кап.

Внезапно в коридоре послышались шаги — быстрые, неровные, бегущие.

Дверь распахнулась без стука.

В лазарет влетел молодой конвоир — тот самый, что дежурил вчера у камеры 17. Лицо его было бледным, глаза расширены, фуражка съехала набок.

— Доктор! — выдохнул он. — Пойдёмте скорее!

Алексей вскочил, хватая сумку.

— Что случилось? Кому плохо?

— Заключённому, — конвоир дышал тяжело, будто бежал километр. — Кричит. Странно так. Не по-человечески.

— Номер?

Конвоир сглотнул, и Алексей увидел, как дёргается его кадык.

— Четыреста семьдесят второй.

Алексей почувствовал, как сердце пропустило удар, а потом забилося где-то в горле.

— Камера?

— Двенадцать.

— Ведите.

Они выскочили в коридор и побежали. Шаги гулко отдавались под сводами, эхо множило их, создавая впечатление, что за ними бежит целая толпа.

Коридоры тянулись бесконечно. Лампы мелькали, как жёлтые глаза. Воздух с каждым шагом становился холоднее — не просто прохладным, а ледяным, промозглым, будто они спускались в погреб.

У камеры 12 уже стояли двое надзирателей. Один из них — пожилой, с нашивками старшего — держал в руке ключ, но не открывал. Лицо у него было серое, как стена.

— Что с ним? — на ходу спросил Алексей, подбегая.

— Кричал, — сказал надзиратель глухо. — Сначала кричал. Потом молился. А теперь — тихо. Совсем тихо.

— Дверь открывали?

— Нет. Ждали вас. Мало ли что там.

Алексей перевёл дыхание.

— Открывайте.

Надзиратель сунул ключ в замочную скважину. Металл лязгнул, замок щёлкнул — звук был оглушительно громким в мёртвой тишине.

Дверь медленно, со скрипом, открылась.

Алексей шагнул внутрь, и конвоиры с лампой двинулись за ним.

И остановились.

Камера была пустой.

Железная кровать с серым, сбитым одеялом.

Металлический стол, привинченный к полу.

Табурет.

Парапа в углу.

Человека не было.

Конвоир, тот самый молодой, выругался длинно и грязно, сорвавшись на визг.

— Какого чёрта?! Он был здесь! Я лично проверял час назад!

Надзиратель резко обернулся к нему.

— Час назад? А крик когда был?

— Минут десять назад! Я слышал, прибежал — вы уже были!

Надзиратель побледнел ещё больше.

— Десять минут. Из закрытой камеры.

Алексей медленно, словно во сне, вошёл вглубь камеры. Он подошёл к окну — маленькому, забранному толстой решёткой. Коснулся прутьев. Холодный металл. Никаких следов

подпила, никаких щелей. Окно было закрыто наглухо, створка не открывалась — только форточка, слишком узкая даже для ребёнка.

Стены — глухой, древний камень, сложенный ещё монастырскими мастерами. Ни единой щели, ни тайника.

Он посмотрел на кровать.

Постель была смята, одеяло скомкано, подушка валялась на полу — будто человек только что вскочил, сбросив всё.

— Может, он спрятался? — нервно сказал конвоир, оглядываясь. Голос его дрожал. — Под койку залез?

Но спрятаться было негде. Камера была слишком маленькой, слишком пустой, слишком голой. Здесь не мог спрятаться даже ребёнок.

Тогда Алексей заметил пол.

Он опустил глаза и замер.

Каменные плиты, из которых был сложен пол, блестели. Они были мокрыми — не влажными, не сырыми, а именно мокрыми, покрытыми тонким слоем воды, которая переливалась в свете лампы.

— Посветите сюда, — сказал Алексей, и голос его сел.

Конвоир поднял лампу выше.

На полу была вода.

Тонкий, ровный слой покрывал камень от кровати до двери, словно здесь только что прошёл прилив. Но ведра в камере не было. Крана не было. Ничего, откуда могла бы взяться вода.

Алексей присел на корточки, провёл пальцем по камню.

Вода была холодной. Ледяной. Такой холодной, что палец защипало.

— Откуда она? — спросил конвоир, и в голосе его звучал уже не просто страх, а ужас.

Никто не ответил.

Тогда другой надзиратель, молчаливый, стоявший у двери, вдруг тихо сказал:

— Смотрите.

Все повернулись туда, куда он показывал дрожащей рукой.

От кровати к двери тянулись следы босых ног.

Мокрые. Чёткие. Свежие.

Алексей наклонился ниже, рассматривая их при свете лампы.

И вдруг понял то, от чего кровь застыла в жилах.

Следы были не одни.

Он насчитал один отпечаток. Второй. Третий. Четвёртый. Пятый.

Пять разных следов. Разного размера. Разной формы. Одни — маленькие, узкие, почти детские. Другие — побольше, с отпечатком стопы взрослой женщины.

Словно по камере прошли несколько человек. И все они были босыми.

Следы вели от кровати, где лежал исчезнувший заключённый, — кружили вокруг неё, будто стояли, смотрели, ждали, — а потом ровной цепочкой направлялись к двери.

К запертой двери.

— Они вышли, — прошептал молодой конвоир. — Они все вышли.

Надзиратель перекрестился дрожащей рукой.

— Господи помилуй...

Алексей поднялся и шагнул к порогу. Следы обрывались прямо на границе камеры. За дверью, в коридоре, пол был сухим. Абсолютно сухим. Ни капли воды. Ни следа.

Они дошли до двери — и исчезли.

— Он не мог выйти, — повторил конвоир, глядя на дверь. — Я клянусь. Дверь была заперта. Ключ у меня на поясе.

Алексей медленно вернулся в камеру. Он снова посмотрел на воду на полу. Она уже начала понемногу испаряться, но в щелях между плитами ещё держалась, стекая куда-то вниз.

Он присел и заглянул в щель. Там была темнота. И тишина.

Но тишина эта была странной — не пустой, а наполненной.

В этот момент где-то в глубине тюрьмы — там, где находились старые, запечатанные ещё с монастырских времён подвалы — раздался тихий звук.

Сначала Алексей подумал, что это ветер. Ветер гулял по подземельям, выл в вентиляции, скрипел старыми дверями.

Но потом понял.

Это был шёпот.

Едва слышный. Почти неразличимый. Словно несколько женщин говорили одновременно, очень тихо, но настойчиво.

И среди этих голосов, в этом монотонном гудении, можно было различить одно слово. Одно-единственное слово, которое повторялось снова и снова, как молитва, как заклинание, как плач.

По-мни-те... По-мни-те... По-мни-те...

Алексей замер, вслушиваясь.

Конвоиры тоже слышали. Они стояли, как каменные, бледные, с вытаращенными глазами.

— Это из подвала, — прошептал старший надзиратель. — Оттуда.

— Что там? — спросил Алексей, хотя уже знал ответ.

— Старые кельи. Их замуровали после расстрела. Никто не ходит туда.

Шёпот усилился. Теперь в нём слышались не только слова, но и всхлипы, и вздохи, и тихий, сдержанный плач.

По-мни-те... По-мни-те нас...

Алексей шагнул к двери, намереваясь пойти на звук, но надзиратель схватил его за руку. Хватка была железной, отчаянной.

— Не ходите, доктор. Не надо. Они зовут своих. Они приходят за теми, кто не виноват. Не мешайте им.

Алексей хотел возразить, хотел сказать, что он врач, что он должен понять, объяснить, найти причину, но слова застряли в горле.

Потому что он увидел то, что заставило его замереть.

Вода на полу камеры 12 перестала испаряться. Она собралась в центре комнаты в маленькую лужицу, и в этой лужице, в отражении дрожащего света лампы, он снова увидел их.

Тени. Чёрные фигуры в монашеских одеяниях. Стоящие вокруг кровати, склонившие головы, шевелящие губами в беззвучной молитве.

А на кровати, среди них, лежал человек. Тот, кого они пришли забрать. И лицо его было спокойным. Счастливым даже.

Алексей зажмурился, потрянул головой.

Когда открыл глаза — лужица была просто лужицей. Вода. Камень. Пустая камера.

Но шёпот не прекращался.

По-мни-те... По-мни-те...

— Уходим, — резко сказал надзиратель. — Заприте камеру. Никому ни слова. Поняли?

Конвоиры закивали, как заводные.

Они вышли в коридор. Дверь захлопнулась, лязгнул замок.

Алексей стоял, прислонившись к стене, и чувствовал, как дрожат руки.

— Сколько их ещё? — спросил он тихо. — В списках? Невинových, которых должны расстрелять?

Надзиратель посмотрел на него долгим взглядом.

— Много, доктор. Очень много. Времена такие.

— А тех, кто придёт завтра?

— Завтра? — надзиратель усмехнулся невесело. — Завтра расстрел. Пятерых. По списку. Алексей закрыл глаза.

Где-то в глубине подвала шёпот стихал, превращаясь в мерное, успокаивающее журчание родниковой воды.

Кап.

Кап.

Кап.

Вода звала. Вода ждала. Вода помнила.

Глава 5 Женщины в белом

После исчезновения из камеры 12 в тюрьме стало беспокойно.

Об этом не говорили громко — в таких местах громкие разговоры вообще не приветствовались. Официально ничего не произошло. В журнале учёта просто появилась новая запись, сделанная дрожащей рукой дежурного: «Заключённый 472 переведён в другую тюрьму». Подпись. Печать. Никаких вопросов.

Но среди охраны и заключённых слухи распространялись быстрее пожара. Они просачивались сквозь стены, сквозь решётки, сквозь запёртые двери. Шёпотом, взглядами, нервными движениями рук.

Алексей чувствовал это кожей.

Когда конвоиры приводили людей в лазарет, они становились тише обычного. Переглядывались. Молча кивали друг другу. Старались не задерживаться в коридорах лишней минуты.

Особенно ночью.

На следующий день к Алексею привели пожилого заключённого.

Худой, почти прозрачный, с серым лицом землистого оттенка и глубоко запавшими глазами, в которых застыла вечная усталость. Он тяжело, надсадно дышал и держался за грудь скрюченными пальцами.

— Жалуется на сердце, — бросил конвоир, вталкивая старика в лазарет. — Говорит, помирает.

Алексей указал на табурет возле стола.

— Садитесь.

Заключённый сел медленно, с трудом, будто каждое движение давалось ему через силу. Костлявые руки легли на колени, голова чуть склонилась.

Алексей начал осмотр. Привычные вопросы, привычные движения стетоскопом, привычный запах большого тела.

— Имя?

— Степан... Степан Лукич, — голос был сиплым, но в нём чувствовалась какая-то странная твёрдость.

— Жалобы? Кроме сердца?

Старик не ответил сразу. Он поднял глаза и посмотрел на дверь — долгим, внимательным взглядом, будто ждал, что она откроется.

— Ночью... — тихо сказал он.

Алексей поднял глаза от бумаг.

— Что ночью?

Заключённый наклонился ближе, насколько позволял больной позвоночник. Глаза его блеснули лихорадочным огнём.

— Они снова ходили.

— Кто? — спросил Алексей, хотя сердце уже подсказало ответ.

Старик сглотнул, кадык дёрнулся на тонкой морщинистой шее.

— Женщины.

Конвоир, стоявший у двери, усмехнулся. Коротко, нервно.

— Началось. Каждую ночь одно и то же.

— Тихо, — оборвал его Алексей.

Он снова посмотрел на заключённого. В глаза, в которых плескался неподдельный, живой страх.

— Какие женщины?

Степан Лукич говорил почти шёпотом, наклоняясь всё ближе. От него пахло потом, тюремной баландой и ещё чем-то сладковатым, старческим.

— В белом.

Конвоир закатил глаза, но молчал. Алексей видел, как побелели его костяшки на ремне винтовки.

— Сказки, — буркнул он себе под нос.

Но старик не обращал на него внимания. Он смотрел только на врача.

— Они ходят по коридору. Каждую ночь. Я слышу.

— Вы их видели? — спросил Алексей.

— Нет.

— Тогда откуда знаете?

Старик поднял дрожащую, узловатую руку, словно призывая к тишине.

— Слышал.

Алексей нахмурился.

— Что слышали?

— Шаги.

Заключённый сделал паузу, и в этой паузе повисла такая тишина, что стало слышно, как за стеной капает вода.

— Босые, — добавил он.

Конвоир перестал улыбаться. Лицо его сделалось напряжённым, он невольно оглянулся на дверь, ведущую в коридор.

В комнате стало тихо. Даже вода, казалось, перестала капать.

— Когда это было? — спросил Алексей, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Ночью. Каждую ночь. Уже три ночи подряд.

— Во сколько?

— Не знаю. Время в камере не узнаешь.

Старик смотрел на пол, на каменные плиты, словно видел сквозь них что-то, невидимое другим.

— Сначала было тихо. Потом... шаги.

Он постучал пальцем по столу — раз, другой, третий. Ритмично, как отсчитывая.

— Мягкие. Как будто по воде идут. Шлёп-шлёп-шлёп.

Алексей почувствовал неприятный холод, пробежавший по спине. Он вспомнил мокрые следы в камерах 17 и 12.

— И что потом?

Заключённый поднял глаза. В них был такой страх, что Алексею стало не по себе.

— Они остановились возле моей камеры.

— Вы уверены?

— Да. — старик кивнул. — Шаги затихли прямо у двери.

— Почему вы решили, что это были женщины?

Старик прошептал, почти беззвучно:

— Потому что я слышал дыхание. Тихое. Женское. Несколько.

Конвоир не выдержал, резко сказал:

— Двери ночью не открывают. Это запрещено. Обход только в шесть утра.

Но Степан Лукич покачал головой. Медленно, устало.

— Я не говорил, что её открыли.

Он посмотрел на врача в упор. Взгляд его был странным — просветлённым, почти спокойным, будто человек, который уже всё понял и принял.

— Просто... кто-то стоял за ней. Молчал. Дышал. И слушал.

Некоторое время никто не говорил.

Алексей продолжил осмотр механически, на автопилоте. Сердце старика действительно было слабым — аритмия, одышка, отёки. Он сделал запись в журнале, выписал капли, которые ничем не могли помочь человеку с таким приговором.

Когда конвоир взял заключённого под локоть, чтобы вести обратно в камеру, Степан Лукич вдруг остановился в дверях.

Он обернулся.

— Доктор.

— Да? — Алексей поднял голову.

Старик посмотрел прямо ему в глаза. Взгляд его был твёрдым, немигающим.

— Они ищут.

— Кого?

Степан Лукич ответил тихо, но каждое слово упало в тишину, как камень в воду:

— Тех, кто не виноват.

И вышел.

Дверь захлопнулась, лязгнул засов.

Алексей долго сидел неподвижно, глядя в одну точку на стене.

Вечером Алексей встретил старого надзирателя во дворе.

Тот снова сидел на своём обычном месте — на перевёрнутом ящике у расстрельной стены — и курил, глядя, как сумерки медленно пожирают небо. Родник журчал тихо, но настойчиво, вода поблёскивала в последних лучах заходящего солнца.

Алексей подошёл и остановился рядом.

— Слышали новые слухи? — спросил он.

Старик кивнул, не оборачиваясь.

— Про женщин?

— Да.

Он бросил взгляд на окна камер — тёмные, слепые, равнодушные.

— Заключённые говорят, что ночью по коридору ходят женщины в белом.

Надзиратель глубоко затянулся, помолчал, глядя на дым, уходящий в темнеющее небо. Потом затушил окурочок о подошву сапога и бросил его в родник. Окурочек зашипел, выбросив струйку пара.

— Не только заключённые, — сказал он глухо.

Алексей посмотрел на него.

— Вы тоже слышали?

Старик некоторое время молчал. Лицо его в темноте казалось вырезанным из старого дерева — морщины глубокими трещинами, глаза провалами.

Потом сказал:

— Два года назад один молодой конвоир дежурил ночью. Хороший парень был. Здоровый, не пил, службу знал.

Он вдруг замолчал, будто набираясь сил.

— И? — поторопил Алексей.

Надзиратель посмотрел на тёмные окна бывшего монастыря, за которыми угадывались очертания решёток.

— Он увидел их.

Алексей почувствовал, как сердце ударило быстрее.

— Кого?

— Монахинь, — тихо ответил старик. — Самых настоящих.

— Что он рассказал?

Надзиратель говорил тихо, будто боялся, что стены услышат.

— Он сказал, что по коридору шли три женщины. В ряд. Медленно так, будто плыли. И лица у них были белые.

Алексей нахмурился.

— В белом?

— Нет. — старик покачал головой. — В чёрном. В монашеском.

— Тогда почему их называют женщинами в белом?

Надзиратель ответил почти шёпотом, наклонившись ближе:

— Потому что лица у них были белые. Белее мела. Белее снега. Как у покойниц.

Алексей почувствовал, как волосы на затылке зашевелились.

— А что тот конвоир?

— Уволился. На следующий же день. Написал рапорт, сказал, что болен. И уехал. Больше я его не видел.

— Он что-нибудь ещё говорил?

Старик кивнул.

— Говорил. Перед отъездом. Сказал, что когда они прошли мимо него, он почувствовал запах.

— Какой запах?

— Ладана. И мокрой земли.

В этот момент в коридорах тюрьмы, откуда-то из глубины здания, где-то далеко раздался звук шагов.

Мягкий.

Тихий.

Ритмичный.

Будто кто-то шёл босиком по холодному камню.

Алексей и надзиратель одновременно подняли головы. Замерли, прислушиваясь.

Шаги приближались. Шлёп-шлёп-шлёп. Медленно, неумолимо, как сама судьба.

Потом стихли.

Наступила тишина — такая глубокая, что заложило уши.

Но через несколько секунд из здания, из тёмных окон, из каменных недр тюрьмы, донёсся едва слышный женский шёпот.

Тонкий. Протяжный. Многоголосый.

Словно несколько голосов одновременно читали молитву. Старую, скорбную, заупокойную.

— Господи, — прошептал надзиратель и перекрестился. — Заступись.

Алексей стоял, не в силах пошевелиться. Холод пробежал по телу, несмотря на тёплый вечер.

Шёпот нарастал, становился громче, отчётливей. И вдруг Алексею показалось, что в одном из тёмных окон второго этажа мелькнула тень.

Белое лицо.

Чёрный плат.

И взгляд — прямой, сквозь стёкла, сквозь расстояние, прямо в душу.

Алексей моргнул.

Окно было пустым.

Только отражение луны в стекле.

Но шёпот не прекращался.

И родник журчал.

И вода текла.

Кап. Кап. Кап.

— Они ждут, — тихо сказал надзиратель. — Каждую ночь ждут.

— Чего? — спросил Алексей, не узнавая своего голоса.

— Когда им приведут ещё одного невинного.

Старик поднялся, поправил фуражку.

— Идите спать, доктор. Завтра трудный день.

Он ушёл, оставив Алексея одного у стены.

Алексей смотрел на родник, на воду, которая текла из-под земли, из-под той самой стены, где тридцать семь лет назад пролилась кровь.

Вода журчала.

И в этом журчании ему слышались имена.

Множество имён.

Тех, кого уже забрали.

И тех, кого заберут сегодня.

Он поднял голову к тёмным окнам.

— Кто вы? — прошептал он в пустоту.

Тишина ответила ему шёпотом ветра.

Но Алексей знал — они слышали.

Они всегда слышали.

Глава 6 Невинные

После разговоров о женщинах в коридорах Алексей больше не мог относиться к происходящему как к обычным слухам.

Слишком многое совпадало.

Исчезновение из камеры 17.

Исчезновение из камеры 12.

Мокрые следы на каменных плитах.

Вода, появляющаяся из ниоткуда и уходящая в никуда.

И каждый раз — перед расстрелом. Словно кто-то или что-то знало дату казни заранее и приходило ровно в ту ночь, когда человеку оставалось жить несколько часов.

Но больше всего его беспокоила другая мысль, не дававшая покоя ни днём ни ночью.

Почему именно эти люди?

Что общего между бухгалтером из Калуги, крестьянином из-под Рязани и бывшим офицером, чьё дело он видел вчера? Почему одни исчезают, а другие — настоящие преступники, убийцы и бандиты — спокойно доживают до казни в своих камерах?

Ответ мог быть только один.

И этот ответ пугал больше, чем любые призраки.

На следующий день Алексей снова спустился в архив.

В бывшей монастырской библиотеке было холодно — зимний свет едва проникал сквозь высокие, стрельчатые окна, затянутые паутиной. В воздухе висела пыль, поднятая его шагами, и пахло старыми бумагами, тленом и ещё чем-то неуловимым — может временем, застывшим между этими стенами.

Архивариус, как всегда, сидел за столом, сгорбившись над какой-то книгой. При звуке шагов он поднял голову, и его огромные глаза за толстыми стёклами очков моргнули.

— Опять дела? — спросил он своим скрипучим голосом.

— Да, — Алексей кивнул. — Мне нужно посмотреть приговорённых к расстрелу за последние несколько лет.

Архивариус поднял брови — они взлетели высоко, почти под козырёк фуражки.

— Много, доктор. Очень много. Времена такие.

— Я знаю. — Алексей снял пальто и повесил его на гвоздь у двери. — Поможете?

Архивариус махнул рукой на бесконечные шкафы.

— Берите. Всё здесь. Система есть — по годам, по номерам. Если что — спрашивайте.

Алексей кивнул и углубился в ряды стеллажей.

Он работал несколько часов, не замечая времени.

Сначала шли дела текущего года. Потом прошлого. Потом позапрошлого. Он открывал папки одну за другой, вчитывался в корявые строки обвинений, сравнивал формулировки, записывал фамилии и номера в блокнот.

Пыль поднималась от бумаг, оседала на рукавах, щекотала в носу. Глаза слезились от напряжения, но Алексей не останавливался.

Постепенно на столе выросла стопка дел — тех, кто исчез. Тех, чьи номера были пропущены в журналах, чьи имена вычеркнуты из списков, чьи тела так и не нашли.

Он начал внимательно изучать их, одно за другим.

Первое дело.

Обвинение: вредительство на заводе. Три года исправительных работ заменены расстрелом за «особую общественную опасность».

Но единственный свидетель, чьи показания легли в основу обвинения, позже отказался от них — в деле была приписка, сделанная карандашом на полях. Отказался, но это уже никого не интересовало.

Второе дело.

Обвинение: антисоветская агитация. Основание — донос соседа, с которым погибший не поделил участок земли. Никаких других доказательств. Ни свидетелей, ни вещдоков.

Третье.

Шпионаж. Обвиняемый — пожилой учитель немецкого языка, который никогда не выезжал за границу и не имел никаких контактов с иностранцами. Дело состояло из трёх страниц протоколов и подписи следователя.

Алексей почувствовал, как внутри растёт тяжёлое, давящее чувство. Не гнев — гнев был бы легче. Это была тоска. Тоска от понимания того, как легко и буднично вершится здесь неправда.

Он взял следующее дело.

Человек работал бухгалтером на местном заводе. Обвинили в хищении государственных средств в особо крупных размерах. Приговор — расстрел.

Но документы в папке — акты ревизий, ведомости, расписки — доказывали обратное. Все цифры сходились. Каждая копейка была на месте. Экспертиза, проведённая перед арестом, подтверждала его невиновность.

Экспертизу подшили в дело. Но на неё никто не обратил внимания.

Алексей медленно закрыл папку. Пальцы дрожали.

Затем открыл ещё одну.

И ещё.

И ещё.

Картина становилась всё яснее, всё страшнее, всё неопровержимее.

Все исчезнувшие заключённые имели одно и то же.

Слабые обвинения, не выдерживающие никакой критики.

Сфабрикованные протоколы, написанные одним почерком — почерком следователя Яковлева.

Подписанные под давлением признания, которые рассыпались при первом же внимательном прочтении.

Никаких реальных доказательств — только бумага, только подписи, только печати.

Некоторые дела были настолько пустыми, такими прозрачными, что при обычном, честном суде их бы просто закрыли на первой же минуте. Судьи бы посмеялись и отправили людей домой.

Но здесь был другой порядок.

Другая жизнь.

Другая смерть.

Здесь был расстрел.

Алексей положил руки на стол, уронил голову. В ушах звучали слова старого надзирателя, сказанные тогда, у родника:

Исчезают только те, кто не виноват.

Он поднял голову, взял список пропавших номеров.

424

438

451

467

472

И рядом, в столбик, написал имена, восстановленные по делам.

Кузнецов.

Смирнов.

Лебедев.

Иванов.

Белов.

Простые русские фамилии. Простые люди. Никто из них не был преступником. Никто не заслуживал смерти.

Он отодвинул эту стопку и открыл несколько других дел — тех, кто не исчез, кто спокойно доживал последние дни в камерах, кого выводили к стене по утрам конвоиры.

И быстро заметил разницу.

Там были настоящие преступления.

Убийства — с ножами, с кровью, с трупами.

Бандитизм — с нападениями, с грабежами, с жертвами.

Разбой — с оружием, с поличным, с показаниями потерпевших.

Доказательства. Вещдоки. Свидетели. Признания, данные добровольно, а не выбитые палками.

Эти люди оставались в камерах до самого расстрела.

Их выводили на рассвете, ставили к стене, стреляли.

Хоронили в безымянных могилах.

Никто за ними не приходил.

Никаких мокрых следов.

Никаких теней в коридорах.

Никаких женщин в белом.

Алексей медленно откинулся на спинку стула. Сердце колотилось где-то в горле, в висках стучала кровь.

Получалось невозможное. Невероятное. То, во что невозможно было поверить человеку с медицинским образованием, воспитанному на фактах и логике.

Кто-то — или что-то — выбирало среди заключённых только невиновных.

Приходило за ними ночью.

Забирало из закрытых камер.

И уводило туда, откуда никто не возвращался.

Но куда? И зачем?

Он посмотрел в окно. За мутным стеклом уже начинало темнеть — день пролетел незаметно.

Пора было выходить.

Когда Алексей вышел из архива, во дворе уже сгущались сумерки.

Старый надзиратель стоял у родника — как всегда, в своём обычном месте, возле стены. Он курил, глядя на воду, и в его фигуре было что-то бесконечно усталое, обречённое.

Услышав шаги, он обернулся и кивнул.

— Долго сидели, доктор. Я уж думал, вы там ночевать остались.

Алексей подошёл. Ноги гудели, глаза болели от напряжения, но в голове была ясность — страшная, холодная ясность.

— Вы были правы, — сказал он без предисловий.

Старик посмотрел на него внимательно.

— О чём?

— Исчезают только невиновные.

Надзиратель не удивился. Совсем. Он только кивнул, медленно, будто подтверждая то, что знал давно.

— Я знаю.

— Откуда? — Алексей смотрел на него в упор. — Откуда вы могли знать наверняка? Старик пожал плечами — тяжело, грузно.

— За двадцать лет, доктор, многое увидишь. Многое поймёшь.

Он присел на камень возле родника, бросил окурок в воду. Тот зашипел и исчез в темноте.

— Сначала мы думали, что это совпадение. Ну, бывает. Один исчез, второй. Мало ли — списали на побег, на ошибку учёта.

— А потом?

— Потом начали проверять дела. Тайком, по ночам. Я и ещё двое старых надзирателей. Алексей посмотрел на него.

— И?

Старик тихо сказал, глядя в воду:

— Ни одного виновного. За пять лет — ни одного. Все, кого забрали, были чисты. Как стёклышко.

Вода в роднике тихо журчала, переливаясь в темноте.

Вечер становился холодным — зимний ветер тянул со стороны степи, заставляя зябко ёжиться.

— Тогда кто их забирает? — спросил Алексей. — Если не люди, не охрана, не побег?

Надзиратель некоторое время молчал. Потом поднял голову и посмотрел на старую расстрельную стену — тёмную, молчаливую, покрытую пятнами сырости и времени.

— Те, кого убили здесь, — сказал он просто. — Тридцать семь лет назад.

Алексей почувствовал, как по спине прошёл ледяной холод. Не от ветра — от слов.

— Монахини?

Старик кивнул. В темноте его лицо казалось вырезанным из камня.

— Они. Кто же ещё.

— Но почему они забирают только невиновных?

Надзиратель вздохнул, провёл рукой по седым усам.

— Говорят, перед смертью игуменья сказала одну вещь. Сторож тогда слышал, старик, который здесь ещё до тюрьмы жил.

— Какую?

Старик посмотрел прямо в глаза Алексею. Взгляд его был тяжёлым, как камни этой стены.

— Она сказала: «Господь всё видит. Он не оставит землю эту без слёз. И вода придёт. Святая вода. И будет она забирать тех, кто не виноват, чтобы спасти их от ваших пуль».

Алексей молчал. Слова падали в душу, как камни в воду — кругами расходилось эхо.

— Может, это просто легенда, — добавил надзиратель. — Может, старик выдумал. А может...

Он не договорил.

В этот момент из родника вдруг потекла вода сильнее, чем раньше. Гораздо сильнее.

Она зашумела между камнями, забурлила, вырываясь наружу с новой силой. Струя стала шире, мощнее, вода прибывала прямо на глазах.

Алексей посмотрел вниз.

И на секунду, на одно бесконечное мгновение, ему показалось, что в прозрачной, колеблющейся глади воды отражаются несколько тёмных фигур, стоящих у него за спиной.

Чёрные одеяния.

Покрытые головы.

Белые лица.

Они стояли молча, глядя прямо на него.

Алексей резко обернулся.

Во дворе никого не было.

Только пустота.

Только ветер.

Только старая стена.

И тишина.

Но вода продолжала течь из-под земли — сильно, неудержимо, как будто где-то внизу прорвало плотину.

— Они здесь, — тихо сказал надзиратель. — Они всегда здесь.

Алексей перевёл дыхание. Руки дрожали.

— Сколько их ещё? — спросил он. — В списках? Невинновных, которых должны расстрелять?

Надзиратель помолчал, будто считая про себя.

— Завтра трое. Послезавтра — пятеро. И так каждый день.

Он посмотрел на тёмные окна тюрьмы.

— Они не успевают за всеми, доктор. Их мало, а нас много. Очень много.

Алексей стоял у родника, слушал воду и думал об одном.

Сегодня ночью кто-то снова придёт.

И кто-то снова исчезнет.

Вопрос только — кто?

И успеет ли он, Алексей Воронцов, сделать хоть что-то, чтобы понять, чтобы увидеть, чтобы узнать правду?

Вода журчала.

Тьма сгущалась.

Где-то в камерах ждали своей участи невинновные.

Глава 7 Архив

Ночь после разговора у родника была тревожной.

Алексей почти не спал.

Он ворочался на жёсткой койке в своей келье, прислушивался к каждому шороху, к каждому звуку, доносившемуся из коридоров. Где-то капала вода — неумолчно, ритмично, как метроном, отсчитывающий чьи-то последние минуты.

Каждый раз, когда он закрывал глаза, перед ним вставала одна и та же картина:

Тёмные фигуры в воде.

Белые лица.

И взгляд — прямой, сквозь время, сквозь стены, сквозь саму реальность.

А если это правда?

Мысль эта вгрызалась в сознание, не отпускала, сверлила.

Если кто-то — или что-то — действительно забирает из этой тюрьмы людей... и делает это не случайно, а выбирая, отделяя зёрна от плевел.

Тогда кто даёт им право судить?

И кто будет следующим?

Утром, едва рассвело, Алексей снова пошёл в архив.

Бывшая монастырская библиотека встретила его тем же холодом и запахом пыли — запахом смерти, застывшей на бумаге.

Сквозь высокие окна едва пробивался бледный зимний свет, и в углах ещё держалась ночная тьма.

Архивариус поднял глаза от бумаг. За толстыми стёклами очков его глаза казались огромными, водянистыми, почти неживыми.

— Вы опять? — спросил он без удивления.

— Да, — Алексей повесил пальто на гвоздь. — Мне нужно больше дел. Много больше.

— Всё ещё изучаете расстрельные?

— Да.

Архивариус пожал плечами — мол, дело хозяйское — и махнул рукой в сторону стеллажей.

— Берите. Там за прошлые годы всё. Система есть.

Алексей уже знал, что искать.

Он начал с самых старых папок, до которых мог дотянуться.

Год назад.

Два года.

Пять лет.

Десять.

Папки ложились на стол одна за другой, тяжелые, пыльные, перевязанные бечёвкой. Он развязывал узелки, открывал, читал, откладывал.

Вскоре стол был завален бумагами так, что не осталось свободного места.

Алексей открыл первую папку из стопки «старых дел».

Заключённый 301.

Фамилия: Корнилов Иван Петрович.

Год: 1923.

Обвинение: саботаж на мельнице. Три года принудительных работ заменены расстрелом за «особую злость».

В деле — только один донос. Написанный корявым почерком, с ошибками. Никаких проверок. Никаких свидетелей, кроме доносчика. Никаких доказательств.

Приговор — расстрел.

Алексей перевернул последнюю страницу.

Внизу, в самом углу, стояла короткая запись, сделанная другим почерком — каллиграфическим, почти церковным:

«Казнь не произведена. Заключённый отсутствует.»

Алексей почувствовал, как внутри что-то холодеет. Тот же холод, что и тогда, в камере 12.

Он открыл следующую папку.

318.

Фамилия: Соколова Анна Михайловна.

Год: 1924.

Обвинение: антисоветская агитация. Основание — слова соседа, которому не понравилось, что она ходит в церковь.

Никаких доказательств. Только донос.

И снова та же запись в конце:

«Казнь не произведена. Заключённый отсутствует.»

Он открыл третью.

326.

Фамилия: Белов Сергей Петрович.

Год: 1924.

Обвинение: шпионаж в пользу иностранной державы.

Никаких доказательств. Только подписка о невыезде, которую он нарушил, съездив в гости к брату в другой город.

Та же запись.

Алексей начал работать быстрее. Руки двигались почти механически — открыть, прочитав, закрыть, отложить.

Он открывал папки одну за другой.

Номера.

Фамилии.

Обвинения.

И почти в каждом деле, где обвинение выглядело сомнительным, натянутым, высосанным из пальца, в конце появлялась одна и та же строка.

«Заключённый отсутствует.»

Иногда писали по-другому, пытаясь соблюсти видимость порядка:

«Переведён в другую тюрьму.»

«Выбыл по распоряжению.»

«Дело прекращено за смертью обвиняемого.»

Но итог был одинаков.

Эти люди исчезали.

Исчезали из запертых камер, из-под замков, из-под охраны. Исчезали, не оставляя следов — только воду на полу.

Алексей остановился только через несколько часов, когда руки начали дрожать от усталости, а глаза отказывались читать.

Перед ним лежали десятки дел — стопка высотой почти в локоть.

Он взял чистый лист бумаги и начал составлять список.

Фамилии.

Номера.

Годы.

Корнилов, 301, 1923.

Соколова, 318, 1924.

Белов, 326, 1924.
Смирнов, 342, 1925.
Лебедева, 357, 1925.
Кузнецов, 369, 1926.
Иванов, 384, 1926.
Петров, 401, 1927.
Михайлов, 415, 1927.
Николаев, 424, 1928.
Васильев, 438, 1928.
Алексеев, 451, 1929.
Фёдоров, 467, 1929.
Белов, 472, 1930.
Список рос, ширился, заполнял страницу за страницей.
Когда он закончил, перед ним лежало сорок семь фамилий.
Сорок семь человек.
Сорок семь жизней.
Сорок семь невиновных, которых забрала ночь.
Алексей откинулся на спинку стула. В голове шумело, в висках стучала кровь.
Он открыл ещё несколько папок — наугад, для проверки.
Заключённые с тяжёлыми преступлениями.
Убийства — с ножами, с топорами, с холодной жестокостью.
Бандитизм — с налётами, с жертвами, с кровью.
Вооружённые нападения — с оружием, с поличным, с показаниями десятков свидетелей.
У всех этих дел конец был одинаковый.
Казнь произведена.
Расстрелян.
Приведено в исполнение.
Никаких пометок об отсутствии.
Никаких загадочных переводов.
Никаких исчезновений.
Никто из них не исчезал.
Их выводили на рассвете, ставили к стене, стреляли.
И хоронили в безымянных ямах за оградой.
Алексей медленно положил последнюю папку на стол.
Теперь сомнений не было.
Это не слухи.
Это не совпадение.
Это не массовая истерия.
Это происходило много лет. Систематически. Неумолимо. Тихо.
Кто-то — или что-то — выбирало среди заключённых тех, чьи дела были ложными. Тех, кого осудили незаконно. Тех, кто не заслуживал смерти.
И забирало их.
Перед расстрелом.
В последнюю ночь.
Из закрытых камер.
Когда Алексей вышел из архива, на улице уже начинало темнеть.
Двор тюрьмы был почти пуст — только редкие фигуры конвоиров мелькали у входа да ветер гонял пыль по камням.
Старый надзиратель, как всегда, стоял у родника.

Он стоял неподвижно, глядя на воду, и в его фигуре было что-то бесконечно усталое, обречённое, но вместе с тем — спокойное. Спокойствие человека, который давно всё понял и принял.

Алексей подошёл к нему. Ноги гудели, спина болела от долгого сидения, но в голове была странная ясность.

— Я проверил архив, — сказал он без предисловий.

Старик медленно повернул голову. В сумерках его лицо казалось высеченным из камня.

— И?

— Всё правда. — Алексей протянул ему исписанные листы. — Сорок семь человек. За семь лет.

Надзиратель взял бумаги, поднёс близко к глазам — видно, зрение уже было не то. Долго смотрел на список, шевеля губами, будто читал молитву.

Потом тихо сказал:

— Значит, вы тоже это увидели.

— Почти пятьдесят человек.

Старик кивнул. Медленно, тяжело.

— И это только те, чьи дела сохранились. Сколько их было на самом деле — никто не знает.

Алексей посмотрел на родник. Вода тихо текла между камнями, журчала, переливалась в последних лучах заходящего солнца. Чистая. Прозрачная. Страшная.

— Кто их забирает? — спросил он. — Теперь я должен знать точно.

Надзиратель снова посмотрел на стену. На старый, тёмный кирпич, на пятна сырости, на следы пуль, которые никто не заделывал.

— Я уже говорил, доктор. Монахини. Тридцать семь святых мучениц, которых здесь расстреляли.

— Но почему они забирают только невиновных? Почему не мстят всем подряд?

Старик усмехнулся — невесело, горько.

— Потому что они святые, доктор. Они не мстят. Они спасают.

Он помолчал, глядя на воду.

— Игуменья перед смертью простила своих палачей. Слышали такую историю? Она сказала: «Господи, не вмени им это во грех, ибо не ведают, что творят».

— И после этого она стала забирать людей?

— Не сразу. Сначала была только вода. А потом, когда здесь сделали тюрьму и начали расстреливать новых невиновных... они вернулись.

В этот момент из здания тюрьмы донёсся звук.

Сначала тихий, почти неразличимый — можно было принять за ветер, за скрип старой двери, за шорох листьев.

Потом чуть громче.

Шаги.

Медленные.

Мягкие.

Ритмичные.

Будто кто-то шёл босиком по холодному каменному полу.

Шлёп.

Шлёп.

Шлёп.

Алексей поднял голову, всматриваясь в тёмный вход.

— Вы слышали? — спросил он шёпотом.

Надзиратель кивнул. Лицо его было бледным в темноте.

Они оба смотрели на тёмный проём двери, откуда доносился звук.

Шаги приближались.

Вот они уже совсем близко — кажется, ещё мгновение, и из тьмы появятся фигуры.

Но шаги стихли.

Оборвались на полуслове, на полпути, на границе света и тьмы.

Наступила тишина — такая глубокая, что заложило уши.

А потом в воздухе возник другой звук.

Едва слышный.

Тонкий.

Протяжный.

Женский шёпот.

Множество голосов сливались в один, перетекали друг в друга, создавая странную, неземную мелодию.

И среди этих голосов, в этом монотонном, заунывном пении, Алексей ясно различил слова.

Слова молитвы.

Старой.

Скорбной.

Заупокойной.

Той самой, которую поют над умершими.

— Господи, — прошептал надзиратель и перекрестился. — Помилуй нас, грешных.

Алексей стоял, не в силах пошевелиться. Холод пробегал по телу, несмотря на пальто.

Шёпот длился минуту. Или вечность — время здесь текло иначе.

Потом стих так же внезапно, как и появился.

Только вода журчала.

Только ветер шумел.

Только тьма сгущалась над тюрьмой.

— Сегодня ночью, — тихо сказал надзиратель. — Сегодня они снова придут.

— Откуда вы знаете?

Старик посмотрел на список в своей руке.

— Потому что завтра расстрел. Пятерых.

Алексей перевёл дыхание.

— Я хочу увидеть, — сказал он.

Надзиратель резко повернулся к нему.

— Что?

— Я хочу быть там. Сегодня ночью. В коридоре.

— Вы с ума сошли, доктор. Никто не должен видеть их. Те, кто видели, — сходят с ума.

Или исчезают сами.

— Я должен понять.

Старик долго смотрел на него. В темноте его глаза блестели — то ли от влаги, то ли от страха.

— Вы действительно хотите этого?

— Да.

Надзиратель вздохнул. Опустил голову.

— Тогда слушайте. Сегодня в полночь они придут в камеру 24. Там сидит бухгалтер из района. Дело липовое, расстрел завтра на рассвете.

Он поднял глаза на Алексея.

— Если хотите увидеть — будьте в конце коридора. В нише. Там темно, вас не заметят.

— А если заметят?

Старик перекрестился.

— Тогда помолитесь, доктор. За себя.

Он развернулся и, не прощаясь, пошёл прочь, оставив Алексея одного у родника.

Вода журчала.

Тьма стущалась.

Где-то в камере 24 ждал своей участи невиновный.

Алексей смотрел на тёмный вход в тюрьму и чувствовал, как сердце колотится где-то в горле.

Сегодня в полночь он увидит их.

Или сойдёт с ума.

Или исчезнет сам.

Но отступать было поздно.

Глава 8 Ночная вахта

Вечер опустился на тюрьму тяжёлым, давящим покрывалом.

Снаружи уже не было слышно шагов конвоиров — только ветер гулял по пустому двору да где-то далеко лаяли собаки. Луна, полная и холодная, освещала дворовую стену и тонкий родник, который тихо журчал у камня, не умолкая ни на минуту.

Алексей Воронцов сидел в лазарете и смотрел на лампу, дрожащим светом кидавшую длинные тени на холодные каменные стены. Масло в лампе почти закончилось, фитиль коптил, и тени плясали, как живые.

Сердце билось чаще, чем обычно. Гораздо чаще.

Он уже не сомневался: легенды старого надзирателя — не просто байки, не слухи, не массовая истерия. Слишком много совпадений. Слишком много доказательств. Слишком много мокрых следов на полу.

Если всё это правда, я должен увидеть это собственными глазами, — подумал он, глядя на своё отражение в тёмном стекле. — Я должен знать.

Он быстро собрал сумку: фонарь с запасными батареями, блокнот, карандаш и несколько медицинских принадлежностей на всякий случай. Не для работы — для наблюдения.

Выйдя во двор, он нашёл старого надзирателя. Тот, как всегда, сидел у родника, курил, глядя на воду. В темноте его лицо казалось высеченным из старого камня.

— Надзиратель, — окликнул Алексей. — Я хочу остаться сегодня на ночь.

Старик медленно повернул голову. Долго смотрел на врача, будто оценивая, готов ли тот к тому, что может увидеть.

Потом кивнул.

— Можете, доктор. — Голос его был тихим, усталым. — Но будьте осторожны. Некоторые вещи лучше не видеть. И лучше не слышать.

Он затянулся, выпустил дым в тёмное небо.

— Особенно здесь.

Когда весь персонал ушёл отдыхать, а дежурные конвоиры заперлись в своей комнате, Алексей тихо вышел в коридор.

Каменные стены были холодными, как лёд. Воздух — влажным, тяжёлым, пахнущим сыростью и чем-то ещё — может ладаном, может временем.

Он шагал осторожно, стараясь не шуметь. Каждый шаг отдавался эхом под сводами, и эхо это множилось, создавая жутковатое ощущение, что за ним кто-то идёт.

Прошёл мимо камер. Тишина была плотной, как густой туман. Заключённые спали — или притворялись спящими.

И вдруг — едва слышимый звук.

Кап. Кап. Кап.

Вода?

Алексей замер. Прислушался.

Звук шёл откуда-то спереди, из глубины коридора. Ритмичный. Неумолимый.

Он включил фонарь и направил луч на пол.

И увидел тонкую струйку воды, текущую прямо из-под стены. Маленький ручеёк, которого днём здесь не было. Мокрое пятно тянулось по камню, уходя в темноту.

Алексей нахмурился. Он знал, что водопровода в этой части тюрьмы нет. Трубы не проходят. Стены монастырские, толщиной в метр, сложенные на известковом растворе, который крепче бетона.

Откуда вода?

Он опустился на корточки, посветил в щель между стеной и полом. Там была только тьма. И тишина.

Но вода текла.

Он поднялся и пошёл по следу. Шаги были тихими, осторожными. Казалось, сама тюрьма следила за ним, затаив дыхание.

Прошло несколько часов.

Алексей сидел в маленькой комнате бывшей монашеской кельи, которую переоборудовали под склад. Она находилась вблизи коридора, где ранее исчез заключённый 472. Дверь была приоткрыта — ровно настолько, чтобы видеть проход.

Часы, которые он захватил с собой, тихо тикали в кармане. Каждый звук казался оглушительным — собственное дыхание, биение сердца, шорох одежды.

В тюрьме было тихо. Слишком тихо.

Алексей ждал. Минуты тянулись бесконечно.

И вдруг он услышал это.

Сначала — тихие шаги. Мягкие. Лёгкие. Почти бесшумные.

Шлёп.

Шлёп.

Шлёп.

Кто-то шёл босиком по мокрому камню.

Алексей схватил фонарь, но не включал — боялся спугнуть. Он выглянул из-за двери.

Коридор тонул во тьме, но лунный свет проникал через узкое окно в конце, и этого было достаточно.

Он увидел их.

Три женские фигуры.

Они шли медленно, плавно, будто плыли над полом. Белые одежды развевались при каждом движении, хотя ветра не было. Лица были скрыты капюшонами, но в лунном свете они казались почти прозрачными — белее мела, белее снега.

Монахини.

Они шли прямо к камере 24.

Алексей не мог пошевелиться. Сердце колотилось где-то в горле. В ушах звенело от напряжения.

Фигуры остановились у двери камеры. Постояли мгновение — будто прислушиваясь, будто проверяя.

Потом одна из них подняла руку.

И дверь бесшумно открылась.

Алексей зажмурился, протёр глаза — ему показалось, что это галлюцинация. Но когда он снова открыл глаза, дверь была распахнута. Настежь. Без ключа. Без шума.

Фигуры вошли внутрь.

Несколько секунд было тихо.

Потом из камеры донёсся тихий, едва слышный шёпот. Множество голосов сливались в один, читая молитву. Старую. Скорбную. Заупокойную.

Алексей, сам не зная зачем, шагнул в коридор.

Он подошёл ближе. Остановился в нескольких метрах от двери, замер, прислушиваясь.

Шёпот стих.

И тогда из камеры вышли они.

Те же три фигуры. Но теперь между ними был четвёртый.

Человек.

Заключённый.

Он шёл, опустив голову, покорно, будто во сне. Босые ноги ступали по мокрому камню, но он не чувствовал холода. Лицо его было спокойным — умиротворённым, почти счастливым.

Монахини вели его по коридору.

Прямо к лестнице, ведущей в подвал.

Алексей хотел крикнуть, остановить, спросить — но язык прилип к нёбу. Голос пропал.

Он смотрел, как фигуры приближаются к лестнице.

И вдруг одна из них остановилась.

Медленно, очень медленно повернула голову.

И посмотрела прямо на Алексея.

Света было мало, но Алексей увидел её лицо.

Молодое. Красивое. Почти прозрачное.

И глаза — тёмные, глубокие, полные такой боли и такой любви, что у него перехватило дыхание.

Она смотрела на него долго — целую вечность.

Потом улыбнулась. Чуть заметно. И кивнула.

Будто говорила: «Не бойся. Мы не причиним зла».

А потом повернулась и пошла дальше.

Фигуры скрылись в темноте подвала. Лестница поглотила их.

Наступила тишина.

Алексей стоял, не в силах пошевелиться. Только через минуту он смог сделать шаг, потом другой.

Он подошёл к лестнице, ведущей в подвал. Посветил фонарём вниз.

Там было темно. Пусто. Только вода — тонким слоем покрывала ступени, стекая куда-то в глубину.

Он посмотрел на пол.

Мокрые следы вели вниз. Много следов — те, что пришли, и те, что ушли.

И среди них — один, принадлежавший заключённому из камеры 24.

Алексей перевёл дыхание. Руки дрожали.

Он понял одно: легенда — реальность.

Монахини действительно приходят ночью.

Они открывают запертые двери.

Они забирают тех, кто невиновен.

И уводят их туда, откуда никто не возвращается.

Но куда?

Он посмотрел на лестницу. Внизу было темно и тихо. Только вода журчала где-то в глубине.

Тонкая струйка родника, текущая через весь двор, через стены, через подвалы, казалась теперь не просто водой, а чем-то живым. Чем-то, что дышало, помнило, ждало.

Алексей сделал глубокий вдох.

Решение было принято.

Я должен узнать, что происходит дальше. Я должен спуститься туда.

Он шагнул к лестнице.

И в этот момент сзади раздался голос:

— Не ходите туда, доктор.

Алексей обернулся.

В коридоре стоял старый надзиратель. Бледный, как стена. В руке он сжимал нательный крест.

— Не ходите, — повторил он шёпотом. — Туда нельзя.

— Я должен увидеть.

— Вы видели достаточно. Те, кто спускаются за ними, не возвращаются.

Алексей посмотрел на лестницу, потом на старика.

— Но они невиновны. Их спасают.

— Да. Спасают. Забирают с собой. Туда, где нет боли, нет страха, нет пуль. Но живым туда дороги нет.

Он перекрестился дрожащей рукой.

— Поверьте мне, доктор. Я пробовал. Двадцать лет назад. Хорошо, что успел убежать.

Алексей колебался. Стоял на границе двух миров — света и тьмы, жизни и смерти, реальности и чуда.

Вода журчала внизу.

Тьма звала.

Но голос старика удерживал.

— Утром, — сказал надзиратель. — Утром вы сможете проверить. В камере 24 никого не будет. Только вода на полу. Как всегда.

Алексей медленно отступил от лестницы.

Он посмотрел в последний раз в темноту подвала.

И ему показалось, что оттуда, из глубины, на него смотрят.

Множество глаз.

Белые лица.

И тихая, скорбная улыбка.

Он развернулся и пошёл прочь.

Вода текла за ним по пятам.

Глава 9 Шаги в темноте

Алексей сидел в бывшей келье, прижавшись спиной к холодной стене. Сердце колотилось так сильно, что казалось, его слышно по всему коридору. Он держал фонарь крепко, направив луч на тёмный проход, и старался дышать ровно.

Прошло уже около часа после того, как монахини увели заключённого из камеры 24.

Но Алексей не ушёл.

Он не мог уйти.

Что-то удерживало его здесь, в темноте, на границе двух миров. Чувство, что самое главное ещё впереди. Что ночь ещё не закончилась.

Тишина была густой, плотной, как кисель. Казалось, даже воздух здесь стал тяжёлым и напряжённым, будто перед грозой. Алексей слышал собственное дыхание — и больше ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.